

На правах рукописи

Гимазов Рафаэль Нурмехаматович

**Процессуальные аспекты взаимодействия
арбитражных и третейских судов**

12.00.15 – гражданский процесс, арбитражный процесс

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Саратов 2006

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении
высшего профессионального образования
«Саратовская государственная академия права»

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор
Григорьева Тамара Александровна

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор
Исаенкова Оксана Владимировна
кандидат юридических наук
Гребенников Александр Иванович

Ведущая организация: Санкт-Петербургский университет МВД РФ

Защита состоится 22 ноября 2006 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д-212.239.01 в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Саратовская государственная академия права» по адресу: 410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104, ауд. 102.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Саратовская государственная академия права».

Автореферат разослан «____» октября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

В.Д. Холоденко

Актуальность темы исследования. Третейские суды, являясь негосударственными юрисдикционными органами, обладая рядом преимуществ перед государственными судами, в странах с развитой рыночной экономикой разрешают подавляющее большинство споров экономического характера.¹

С переходом России в конце XX века к рыночным отношениям, сопровождавшимся «... неизбежным признанием права частной собственности и свободы договорных отношений»,² были созданы объективные предпосылки для возрождения в нашей стране института третейского судопроизводства, увеличения как количества постоянно действующих третейских судов, так и числа разрешаемых ими споров из гражданских правоотношений. Однако третейские суды, как негосударственные юрисдикционные органы, лишены властных публичных полномочий, в связи с чем не наделены правом применения принудительных обеспечительных мер, приведения к принудительному исполнению собственных решений и т.п. Кроме того, в целом ряде случаев у сторон третейского судопроизводства возникает необходимость оспаривания решений третейских судов, что, из-за отсутствия их системы как таковой, делает это совершенно невозможным в вышестоящую инстанцию по аналогии с государственными судами.

В связи с этим третейские суды в своей повседневной юрисдикционной деятельности вынуждены взаимодействовать с государственными, как арбитражными, так и общей юрисдикции, судами, использовать их властные публичные полномочия.

Как показывает системный анализ действующего законодательства, регламентирующего третейское судопроизводство и взаимодействие третейских и государственных судов, многие актуальные вопросы

---

¹ По разным оценкам в настоящее время в странах с развитой рыночной экономикой в негосударственных юрисдикционных органах разрешается от 60 до 90 % экономических споров. См. например: *Носырева Е.И.* Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США. Воронеж, 1999. С. 37; *Тарасов В.Н.* Третейский процесс / Учебное пособие. СПб., 2002. С. 6; *Морозов М.Э., Шилов М.Г.* Правовые основы третейского разбирательства. Новосибирск, 2002. С. 6 (автор раздела *Морозов М.Э.*).

² *Зайцев А.И.* Третейское судопроизводство России (Проблемные аспекты): Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 3.

правоприменительной деятельности третейских судов остались либо вообще не регламентированными, либо регламентированными в недостаточной мере. Кроме того, целый ряд существенных вопросов взаимодействия третейских и государственных судов в различных нормативных актах закрепляется далеко не однозначно. Указанное создает реальные предпосылки для зачастую безграничного судебного усмотрения, что никоим образом не может способствовать возрождению и развитию института третейского судопроизводства в Российской Федерации.

Следует отметить, что, несмотря на активное развитие третейских судов и третейского судопроизводства в нашей стране, в настоящее время практически отсутствуют специальные комплексные теоретические исследования, посвященные проблематике взаимодействия третейских судов с государственными судами. Подобное положение с неизбежностью влечет за собой целый комплекс вопросов законодательного, теоретического и практического характера.

Как показывает системный анализ российской правотворческой и правоприменительной практики, решить отмеченные проблемы возможно только путем комплексного теоретического исследования наиболее проблемных аспектов взаимодействия третейских и государственных судов, выработки практических рекомендаций общетеоретического, нормотворческого и прикладного характера. В этой связи актуальность настоящего исследования не вызывает сомнений.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена также принятием в 2002 году целого комплекса нормативных актов, регламентирующих вопросы третейского судопроизводства: Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации», Арбитражного процессуального кодекса РФ и Гражданского процессуального кодекса РФ.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. За всю историю развития в нашей стране третейских судов и третейского судопроизводства не было проведено ни одного теоретического монографического исследования, посвященного проблематике их взаимодействия с государственными судами. Несмотря на многочисленность защищаемых в последнее время диссертаций, прямо или косвенно посвященных третейским судам и третейскому судопроизводству,¹ в подавляющем большинстве случаев в них вопросы взаимодействия государственных и третейских судов совершенно не исследуются (В.Н. Ануров, Е.А. Виноградова, М.Ю. Лебедев, М.А. Попов и др.), либо данная проблематика исследуется в комплексе с иными вопросами (Б.Р. Карабельников, С.А. Курочкин, М.О. Лиц, Соловых С.Ж. и др.). Пожалуй единственное позитивное исключение составляют работы А.И. Зайцева «Третейское судопроизводство России: проблемные аспекты. Саратов, 2004» и М.В. Петрова «Взаимодействие государственного суда и международного коммерческого арбитража. СПб., 2003). Однако, в первой из них вопросам взаимодействия государственных и третейских судов уделена всего одна глава, а во второй акцент смещен на взаимодействие государственных судов с международными арбитражными институтами.

С принятием в 2002 г. в Российской Федерации целого комплекса нормативных актов, в той или иной мере регламентирующих вопросы третейского судопроизводства и взаимодействия государственных судов с третейскими судами, возникла необходимость в системном исследовании названного правового института в свете нового законодательства.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что взаимодействие третейских и государственных судов в Российской Федерации в настоящее время находится на начальном этапе развития и его проблемные аспекты нуждаются в глубоком, полном и всестороннем исследовании.

---

¹ По данным журнала «Третейский суд» их в настоящее время в Российской Федерации защищено более 40 – авт.

Объектом исследования являются правоотношения, возникающие в процессе взаимодействия третейских и арбитражных судов в ходе осуществления ими юрисдикционной деятельности.

Предмет исследования составляет совокупность правовых аспектов и пределы взаимодействия третейских и арбитражных судов. Научный интерес и сложность предмета исследования обусловлены многоаспектностью правовых отношений в рамках взаимодействия третейских и арбитражных судов.

Цели и задачи диссертационного исследования. Целями диссертационного исследования являются: комплексное и всестороннее изучение преемственности современных форм взаимодействия отечественных третейских и государственных судов аналогичным формам их взаимодействия в XVI-XX веках; системный анализ действующего законодательства, регламентирующего взаимодействие третейских и арбитражных судов в Российской Федерации; выявление проблемных аспектов взаимодействия третейских и арбитражных судов, а также теоретическое обоснование путей и способов его реформирования.

Для достижения указанных целей были определены следующие задачи:

1. Обобщение, систематизация и анализ существующих точек зрения на определение понятия «взаимодействие» третейских и арбитражных судов;
2. Комплексное изучение становления и развития взаимодействия третейских судов с органами государственной власти, местного самоуправления, нотариата и с государственными судами в России;
3. Изучение теоретических положений относительно классификации форм взаимодействия третейских и арбитражных судов, а также их нормативной и практической реализации;

4. Исследование судеустройственной форм взаимодействия (передача на хранение в арбитражный суд дела, рассмотренного третейским судом ad hoc; уведомление арбитражного суда о создании постоянно действующего третейского суда) третейских и арбитражных судов;

5. Исследование судопроизводственной группы форм взаимодействия (обеспечение арбитражным судом иска, рассматриваемого или планируемого к рассмотрению третейским судом; оспаривание в арбитражный суд решения третейского суда; выдача арбитражным судом исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда; истребование арбитражным судом материалов дела, рассмотренного третейским судом) третейских и арбитражных судов;

6. Анализ законодательной базы и исследование правоприменительной практики по вопросам взаимодействия третейских и арбитражных судов.

7. Выработка законодательных предложений, направленных на совершенствование и унификацию нормативной регламентации взаимодействия третейских и государственных судов.

Методология исследования. Основой диссертационного исследования, тема, структура и содержание которой связаны с необходимостью исследования большого и разнопланового массива законодательства и правоприменительной практики, стали концептуальные положения диалектико-материалистического метода познания, а также системный и функциональный методы, методы анализа и синтеза, восхождения от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному и другие. Также использовались частно-правовые методы: историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический, логико-гносеологический и другие.

Теоретическая основа исследования проблемных аспектов взаимодействия государственных и третейских судов Российской Федерации составили труды известных русских дореволюционных процессуалистов: С.В.

Александровского, А.И. Вицына, А.Ф. Волкова, Ю.С. Гамбарова, А.Х. Гольмстена, В.М. Грабаря, Д.Д. Грима, Ф.М. Дмитриева, В.Л. Исаченко, А. Куницына, Н. Ланге, Н.О. Нерсесова, Е.А. Нефедьева, П.А. Потехина, Г.Ф. Пухты, Г. Рыздюнского, В. Строева, И.Т. Тарасова, Г.Ф. Шершеневича и И.Е. Энгельмана.

Теоретическую основу исследования проблематики взаимодействия третейских и государственных судов составили труды современных российских ученых (в области процессуальных наук, общей теории права, сравнительного правоведения, истории, международного частного права, предпринимательского права и др.): С.С. Алексеева, Т.К. Андреевой, И.В. Архипова, С.Ф. Афанасьева, З.Х. Баймолдиной, Л.Г. Балаяна, А.Н. Бойкова, Е.В. Брунцевой, А.П. Вершинина, А.В. Веселова, Е.А. Виноградовой, В.П. Воложанина, В.Н. Гайворонского, В.Н. Гапеева, А.М. Гребенцова, Т.А. Григорьевой, Р. Давида, Г.А. Жилина, Б.Д. Завидова, А.И. Зайцева, И.М. Зайцева, А.И. Кандыбки, Б.Р. Карабельникова, М.И. Клеандрова, И.Е. Красько, Е.В. Кудрявцевой, С.А. Курочкина, Д.И. Курского, К.К. Лебедева, М.Ю. Лебедева, П.А. Лебедева, П.В. Логинова, И.М. Лурье, Л.С. Матросова, М.Э. Морозова, И.М. Москаленко, А.С. Мямина, Т.Н. Нешатаевой, И.Б. Новицкого, Е.И. Носыревой, И.С. Паповяна, М.В. Петрова, Т.А. Савельевой, Е.В. Салогубовой, О.Ю. Скворцова, С.Ж. Соловых, Е.А. Суханова, В.Н. Тарасова, Н.Н. Ткачевой, Н.Н. Толпаковой, Я.Ф. Фархтдинова, М.А. Фокиной, Д.А. Фурсова, К.И. Худенко, В.М. Шерстюка, М.Г. Шилова, Э. Штанке, В.Ф. Яковлева, В.В. Яркова и др.

Эмпирическую базу диссертационного исследования составили: дореволюционное законодательство России (Соборное Уложение 1649 г., Устав «О суде таможенном по словесным прошениям, а не по челобитным» 1727 г., Положение «О Третейском суде Российской Империи» 1831 г., «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», Положение «О губернских по крестьянским делам учреждениях» и Правила «О порядке

окончания примирением и третейским разбором спорных дел, подлежащих ведомству мировых посредников» – все 1861 г., Устав Гражданского Судопроизводства 1864 г. и др.); нормативные акты советского и постсоветского периодов; международные договоры и конвенции; постановления и определения Конституционного, Высшего Арбитражного и Верховного судов РФ, арбитражных судов первой, апелляционной и кассационной инстанций; действующее арбитражное и гражданское процессуальное законодательство, законодательство о третейских судах, а также правоприменительная практика постоянно действующих третейских судов Республики Татарстан, Волгоградской области, г. Санкт-Петербурга и других субъектов Российской Федерации.

Научная новизна диссертационного исследования. В условиях изменения в ходе судебной реформы российского законодательства, регламентирующего третейское, арбитражное и гражданское судопроизводства, представленная диссертация представляет собой одно из первых в современный период комплексных монографических исследований взаимодействия третейских и государственных судов в Российской Федерации. В диссертации определено понятие взаимодействия третейских и государственных судов и проведена классификация форм взаимодействия по судоустройственному и судопроизводственному основаниям. Произведен подробный анализ возникновения и развития многообразных форм взаимодействия третейских судов с государственными органами и судами на различных этапах становления в нашей стране государственной судебной системы. Детальному исследованию подвергнуты такие судопроизводственные формы взаимодействия третейских и государственных судов, как: принудительное обеспечение иска, рассматриваемого или планируемого к рассмотрению третейским судом; основания и механизм отмены решения третейского суда; процедура выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского

суда, а также процессуальный порядок истребования государственным судом материалов дела, рассмотренного третейским судом.

В результате проведенного исследования автор обосновываются и выносятся на защиту следующие основные положения, составляющие его **новизну**:

1. Понятие «взаимодействие арбитражного и третейского судов», являясь довольно многоаспектным, необоснованно не используется законодателем. Автор предлагает проводить четкое отграничение, как на законодательном уровне, так и в правоприменительной практике, данного понятия от зачастую применяемых вместо него понятий «контроль», «контроль – подчинение», «двойной контроль» и т.п., так как в противном случае фактически придется признать подчиненность третейских судов арбитражным судам, что не соответствует действительности.

2. Автор считает, что понятие «взаимодействие арбитражных и третейских судов», представляя собой сложное и многоплановое правовое явление, является в определенной мере условным. Данное обстоятельство обусловлено следующим:

Во-первых, уведомляя компетентный арбитражный суд о создании постоянно действующего третейского суда, с ним фактически взаимодействует не сам третейский суд, а организация, его создавшая.

Во-вторых, направляя после разрешения третейским судом *ad hoc* дела его материалы в компетентный арбитражный суд, с последним взаимодействует не третейский суд, как организация, а фактически состав третейского суда, рассмотревший и разрешивший дело. Связано это с тем, что третейский суд *ad hoc* не является организацией и не имеет какой-либо организационно-правовой формы, создается сторонами для разрешения одного конкретного спорного правоотношения и после этого прекращает свое существование.

В-третьих, в компетентный арбитражный суд с заявлением об обеспечении иска, рассматриваемого (или планируемого к рассмотрению) в третейском суде, обращается не сам третейский суд, а заинтересованная

сторона третейского судопроизводства (или спорного правоотношения). Аналогично обстоит дело и с взаимодействием при поступлении в компетентный арбитражный суд заявлений об оспаривании решения третейского суда или о выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение.

В-четвертых, только в процессе рассмотрения дел об оспаривании решения третейского суда или о выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение компетентный арбитражный суд может взаимодействовать непосредственно с постоянно действующим третейским судом, разрешившим дело, истребуя из его архива все материалы.

3. Автор дает собственное обобщенное сводное понятие «взаимодействие арбитражных и третейских судов», так как оно в полной мере будет характеризовать все формы взаимно обусловленной деятельности по уведомлению, содействию и ограниченному контролю в процессе осуществления компетентным арбитражным и третейским судами их юрисдикционной деятельности.

4. Анализ современного законодательства, регламентирующего взаимодействие третейских судов с арбитражными судами, позволяет сделать вывод о его преемственности отечественному дореволюционному законодательству, посвященному взаимодействию третейских судов с государственными административными, нотариальными или судебными органами. При этом действующее законодательство не является плодом механического заимствования прошлого опыта и в целом соответствует уровню общественных отношений начала XXI века.

5. Автором впервые в современной процессуальной науке сформирована классификация форм взаимодействия арбитражного и третейского судов, основанная на комплексном подходе, с применением критериев соотнесения их с судоустройством третейских судов и судопроизводством в них, следствием чего стала дифференциация всех форм взаимодействия на судоустройственные и судопроизводственные группы. Данный подход позволяет создать целостное

представление об отечественных третейских судах и их взаимодействии с арбитражными судами.

6. В рамках судеустройственной группы третейские суды с арбитражными судами взаимодействуют двояко.

Во-первых, организация – юридическое лицо, образовавшая постоянно действующий третейский суд, направляет в компетентный арбитражный суд, осуществляющий судебную власть на той территории, где расположен постоянно действующий третейский суд, копии документов, свидетельствующих об образовании постоянно действующего третейского суда. При этом необходимо учитывать, что данная форма взаимодействия является, условно говоря, уведомительной, так как в соответствии с действующим законодательством какого-либо утверждения или регистрации со стороны арбитражного суда или какого-либо государственного регистрационного органа за собой не влечет.

Третейский суд, созданный для разрешения конкретного спора, в этой форме не взаимодействует с арбитражными судами, так как у него отсутствуют вышеуказанные документы, подлежащие направлению в арбитражный суд.

Во-вторых, решение третейского суда для разрешения конкретного спора в месячный срок после его принятия направляется вместе с материалами по делу для хранения в компетентный арбитражный суд, под которым понимается арбитражный суд субъекта РФ по спорам, подведомственным арбитражным судам в соответствии с подсудностью, установленной арбитражным процессуальным законодательством РФ.

7. Автор считает, что судопроизводственную группу составляют следующие формы взаимодействия третейских и арбитражных судов:

➤ принятие обеспечительных мер по делу, рассматриваемому третейским судом, включающую в себя две подформы: принятие обеспечительных мер непосредственно по делу, рассматриваемому третейским судом и принятие предварительных обеспечительных мер по делу, которое планируется передать на рассмотрение в третейский суд,

- оспаривание решения третейского суда.
- выдача исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.
- в рамках оспаривания решения третейского суда и выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда существует еще одна подформа взаимодействия третейского и арбитражного судов – истребование материалов рассмотренного дела из третейского суда.

8. Заявление о принудительном обеспечении иска, рассматриваемого третейским судом или планируемого к рассмотрению в нем, надлежит подавать в арбитражный суд в соответствии с правилами ст. 34 АПК РФ «Подсудность по выбору истца» – «по месту осуществления третейского разбирательства», «по месту нахождения или места жительства должника» либо «по месту нахождения имущества, в отношении которого могут быть приняты обеспечительные меры». Подача данного заявления в арбитражный суд «по месту нахождения третейского суда», как это предусмотрено ч. 3 ст. 90 АПК РФ, на наш взгляд не несет в себе никакой смысловой нагрузки, так как дело по соглашению сторон может рассматриваться третейским судом и в другом месте – на территории другого субъекта Российской Федерации.

9. При рассмотрении дел об отмене решения третейского суда или о выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение судья государственного суда вправе установить только наличие или отсутствие соответствующих оснований, исчерпывающий перечень которых содержится в ст.ст. 233 и 239 АПК РФ (ст.ст. 421 и 426 ГПК РФ). Указанное обстоятельство является крайне значимым, так как:

во-первых, не позволяет судье выходить за указанные в законе рамки, вмешиваться в деятельность третейского суда;

во-вторых, производить самостоятельную переоценку доказательств, использовавшихся в рамках третейского судопроизводства;

в-третьих, пересматривать по существу решение третейского суда или само дело.

10. Представляется ошибочной позиция Высшего Арбитражного Суда РФ, согласно которой арбитражный суд вправе вынести определение об объединении в одно производство дел по заявлениям об отмене решения третейского суда и о выдаче исполнительного листа на его принудительное в случае, если оба дела находятся в одном арбитражном суде. По мнению автора данный подход будет грубо противоречить общей концепции действующего АПК РФ, так как недопустимо распространение правил искового производства на иные виды производства, если это прямо не предусмотрено законом. Автор считает, что в подобной ситуации арбитражный суд должен приостановить производство по делу о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда до рассмотрения дела об оспаривании этого решения.

11. Возможность истребования материалов дела из третейского суда возникает лишь при обязательном наличии всего комплекса следующих предпосылок:

➤ только судья компетентного суда, рассматривающий дело об отмене решения третейского суда или о выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение, вправе истребовать из третейского суда материалы самого дела;

➤ истребование материалов дела из третейского суда возможно лишь на стадии подготовки дела к судебному разбирательству и недопустимо непосредственно при судебном разбирательстве;

➤ судья государственного суда не может по собственному волеизъявлению истребовать из третейского суда материалы дела, так как инициатива подобного действия является исключительной прерогативой сторон третейского судопроизводства;

➤ право на истребование материалов дела из третейского суда у судьи компетентного суда возникает в единственном случае – при наличии обоюдного ходатайства сторон третейского судопроизводства об этом.

12. Обосновывается необходимость унификации норм российского законодательства (Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», Арбитражного процессуального кодекса РФ и Гражданского процессуального кодекса РФ), регламентирующих формы и процедуру взаимодействия третейских и государственных судов.

Научно-теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования состоят в том, что содержащиеся в нем понятия, а также выводы и предложения могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях теории и практики взаимодействия арбитражных и третейских судов, а также в их правоприменительной деятельности.

Содержащиеся в работе законодательные предложения могут быть использованы в процессе реформирования федерального законодательства о третейских судах, арбитражного и гражданского процессуальных кодексов.

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы в преподавании цивилистических учебных дисциплин и учебных курсов, связанных с арбитражным и гражданским процессами, а также специальных курсов и магистерских программ по третейскому судопроизводству.

Структура диссертации основана на принципах логики и последовательности изложения. Согласно цели исследования диссертация состоит из введения, двух глав, включающих в себя пять параграфов, заключения, библиографии и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении автором обосновывается актуальность темы, определяются цели и задачи исследования, методическая, теоретическая и эмпирическая основы, излагаются основные положения, вынесенные на защиту.

Глава первая посвящена исследованию понятия и классификации форм взаимодействия государственных и третейских судов, а также истории вопроса.

В первом параграфе рассматриваются вопросы, связанные с понятием «взаимодействия» арбитражных и третейских судов и классификацией современных форм их взаимодействия.

В начале параграфа автором приводятся несколько существующих дефиниций термина «взаимодействие», а также различных подходов к определению смыслового содержания взаимодействия арбитражных и третейских судов. Не соглашаясь с существующими многочисленными точками зрения (А.Н. Кузбагаров, Т.Н. Нешатаева, М.В. Петров и др.), суть которых сводится к тому, что взаимодействие государственных и третейских судов проявляется исключительно в контроле или даже в «двойном контроле» (А.Н. Кузбагаров) государственных судов за деятельностью судов третейских, автор приходит к выводу о нелегитимности подобного подхода. Обусловлено это тем, что в соответствии со ст. 54 Конвенции «Об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств» (Вашингтон, 18 марта 1965 г.), ратифицированной Российской Федерацией и в силу этого являющейся обязательной к применению государственными юрисдикционными органами, решения третейского суда не подлежат контролю со стороны национальных судов. Аналогичную совершенно верную позицию занимает и Высший Арбитражный Суд РФ.

В результате автор предлагает следующее определение взаимодействия арбитражных и третейских судов – *это взаимно обусловленная деятельность арбитражных и третейских судов по уведомлению, содействию и ограниченному контролю в процессе осуществления ими юрисдикционной деятельности.*

При этом необходимо иметь в виду, что понятие «взаимодействие арбитражных и третейских судов», представляя собой сложное и многоплановое правовое явление, является в определенной мере условным, что обусловлено следующим:

Во-первых, уведомляя компетентный арбитражный суд о создании постоянно действующего третейского суда, с ним фактически взаимодействует не сам третейский суд, а организация, его создавшая.

Во-вторых, направляя после разрешения третейским судом *ad hoc* дела его материалы в компетентный арбитражный суд, с последним взаимодействует не третейский суд, как организация, а фактически состав третейского суда, рассмотревший и разрешивший дело.

В-третьих, в компетентный арбитражный суд с заявлением об обеспечении иска, рассматриваемого (или планируемого к рассмотрению) в третейском суде, обращается не сам третейский суд, а заинтересованная сторона третейского судопроизводства (или спорного правоотношения). Аналогично обстоит дело и с взаимодействием при поступлении в компетентный арбитражный суд заявлений об оспаривании решения третейского суда или о выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение.

В-четвертых, только в процессе рассмотрения дел об оспаривании решения третейского суда или о выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение компетентный арбитражный суд может взаимодействовать непосредственно с постоянно действующим третейским судом, разрешившим дело, истребуя из его архива все материалы.

Однако автор считает, несмотря на вышеотмеченное, что есть все основания употреблять для всех перечисленных случаев обобщенное сводное понятие «взаимодействие арбитражных и третейских судов», так как оно в полной мере будет характеризовать все формы взаимно обусловленной деятельности по уведомлению, содействию и ограниченному контролю в процессе осуществления компетентным арбитражным и третейским судами их юрисдикционной деятельности.

Рассматривая вопрос о классификации современных форм взаимодействия арбитражных и третейских судов, автор предлагает подразделять их на две группы: судоустройственные и судопроизводственные.

К судоустройственной группе форм взаимодействия автором относятся:

- а) уведомление компетентного арбитражного суда о создании третейского суда (в данной форме с арбитражным судом взаимодействуют исключительно организации – юридические лица при создании постоянно действующих третейских судов. Создание третейского суда ad hoc не порождает данной формы взаимодействия);
- б) передача материалов рассмотренного третейским судом дела в компетентный арбитражный суд для последующего хранения (в этой форме с арбитражным судом взаимодействуют только третейские суды ad hoc, так как постоянно действующие третейские суды обязаны сами хранить материалы рассмотренных и разрешенных дел).

К судопроизводственной группе форм взаимодействия автор относит:

- а) принятие обеспечительных мер по делу, рассматриваемому третейским судом. Данная форма взаимодействия включает в себя две подформы: во-первых, принятие обеспечительных мер непосредственно по делу, рассматриваемому третейским судом и, во-вторых, принятие предварительных обеспечительных мер по делу, которое планируется передать на рассмотрение в третейский суд;
- б) оспаривание решения третейского суда;
- в) выдачу исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда;
- г) в рамках оспаривания решения третейского суда и выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда существует еще одна подформа взаимодействия третейского и арбитражного судов – истребование материалов рассмотренного дела из третейского суда, допустимая исключительно в стадии подготовки дела к судебному разбирательству.

В заключение первого параграфа автором предлагается схематичное изображение классификации и самих форм взаимодействия арбитражных и третейских судов (приложения к диссертации).

Во втором параграфе проводится исследование исторического аспекта возникновения и развития форм взаимодействия государственных и третейских судов в нашей стране.

На основе комплексного анализа Соборного уложения (1649 г.), Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости (1861 г.), Положения «О губернских по крестьянским делам учреждениях» (1861 г.), Правил «О порядке окончания примирением и третейским разбором спорных дел, подлежащих ведомству мировых посредников» (1861 г.), Устава гражданского судопроизводства (1864 г.), Декрета ВЦИК «О суде» (1917 г.), Декрета ВЦИК «О суде» (1918 г.), Декрета ВЦИК «О третейском суде» (1918 г.), Кодекса Законов о Труде РСФСР (1922 г.), Гражданского Процессуального Кодекса РСФСР (1923 г.), Постановления ВЦИК Об утверждении «Положение о третейском суде» (1924 г.), Постановления ВЦИК и СНК «О третейских судах в Кабардино-Балкарской автономной области» (1924 г.), Постановления ВЦИК и СНК «О третейских судах в Якутской АССР» (1924 г.), Постановления ЦИК и СНК СССР Об утверждении Правил «О примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов» (1928 г.), Постановления НКТ СССР Об утверждении «Положения о примирительных камерах и третейских судах для разрешения трудовых конфликтов» (1928 г.), Постановления НТК СССР Об утверждении Положений «О расценочно-конфликтных комиссиях, о примирительных камерах и третейских судах и о надзоре за их деятельностью» (1928 г.) и др. автором прослеживается история возникновения и развития различных форм взаимодействия государственных и третейских судов.

На определенном этапе исторического развития (примерно до первой половины XVI века) третейские суды в нашей стране в определенных случаях пользовались большей судебной властью, чем государственные суды. В частности, при рассмотрении дел из земельных правоотношений, сторонами в которых выступали жители разных княжеств, государственные судьи могли избрать третейского судью для вынесения окончательного решения по делу. Данное положение было воспринято отечественным законодательством в

период 1727-1833 годов, когда государственные суды были обязаны передавать начатое рассмотрением в государственном суде дело в третейский суд в случае возникновения необходимости ведения письменного судопроизводства.

Впервые непосредственное взаимодействие государственных и третейских судов получило нормативное закрепление в главе XV «О третейском суде» Соборного Уложения 1649 г.

Отмечается, что первоначально третейские суды взаимодействовали не с государственными судами, в связи с определенной «неразвитостью» последних, а с различными государственными административными и нотариальными органами.

Существовали различные формы взаимодействия государственных и третейских судов, одни из которых со временем прекратили свое существование (применение государственным судом к стороне, не исполнившей добровольно решение третейского суда, либо к третейским судьям, вынесшим неправомерное решение, штрафных санкций; обжалование решения третейского суда в государственный суд в апелляционном порядке; содействие государственных судов сторонам третейского судопроизводства в формировании состава третейского суда; обязательная фиксация решений третейских судов в специальных книгах волосных правлений, мировых посредников и т.п.; обязательное заверение третейской записи нотариусом или мировым судьей и др.), а другие (сообщение в компетентный государственный суд о создании третейского суда; передача рассмотренного третейским судом дела в компетентный государственный суд для хранения; выдача государственным судом исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда; обжалование в компетентный государственный суд решения третейского суда исключительно по императивно закрепленным в законе основаниям) сохранились до наших дней, претерпев лишь терминологические изменения.

Путем анализа целого комплекса нормативных актов, регламентирующих деятельность отечественных третейских судов, автор пришел к выводу о

преимущества современных форм взаимодействия арбитражных и третейских судов их историческим предшественникам.

Глава вторая посвящена детальному исследованию современных форм взаимодействия третейских судов с арбитражными судами.

Действующее законодательство РФ предусматривает несколько форм взаимодействия третейских судов с государственными судами (как арбитражными судами, так и судами общей юрисдикции), которые условно можно разделить на две группы: судостроительственную и судопроизводственную, вторая из которых является более сложной и разноплановой, в связи с чем и стала предметом детального исследования во второй главе.

В первом параграфе автором рассматривается такая судопроизводственная форма взаимодействия арбитражных и третейских судов, как принудительное обеспечение арбитражным судом иска, рассматриваемого или планируемого к рассмотрению третейским судом.

Действующее законодательство (ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации», АПК РФ) различно регламентируют целый комплекс значимых аспектов данной формы взаимодействия.

Так, ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» и АПК РФ различно регламентируют вопросы территориальной подсудности данной категории дел. В соответствии с нормативными предписаниями первого из названных законов заявление об обеспечении иска, рассматриваемого в третейском суде, должно подаваться в компетентный государственный (арбитражный или общей юрисдикции в соответствии с правилами подведомственности) суд по месту осуществления третейского разбирательства или по месту нахождения имущества, в отношении которого могут быть приняты обеспечительные меры. При этом в соответствии с предписаниями АПК РФ данные дела подсудны арбитражным судам по месту нахождения третейского суда, либо по месту нахождения или места жительства должника, либо по месту нахождения имущества должника.

Автор приходит к выводу, что при установлении компетентного суда более приемлемыми являются формулировки «по месту осуществления третейского разбирательства», «по месту нахождения или места жительства должника» и «по месту нахождения имущества, в отношении которого могут быть приняты обеспечительные меры». Выражение «по месту нахождения третейского суда», предусмотренное нормой АПК РФ, как представляется, не несет в себе никакой смысловой нагрузки, так как дело по соглашению сторон может рассматриваться и в другом месте – на территории другого субъекта Российской Федерации. В такой ситуации заинтересованной стороне для подачи заявления о принятии принудительных обеспечительных мер придется обращаться в арбитражный суд, расположенный в другом субъекте Российской Федерации – иной области, крае, республике, что совершенно не соответствует задаче доступности правосудия, закрепленной в Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 14 мая 1981 г. № R (81) 7 «Комитет министров – государствам-членам относительно путей облегчения доступа к правосудию».

Существуют расхождения и в перечне документов, подлежащих приобщению к заявлению о принятии принудительного обеспечения иска, рассматриваемого третейским судом. Так, в нормах ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» содержится нелегитимное требование о приложении к указанному заявлению определения третейского суда о принятии обеспечительных мер. Третейский суд, в соответствии с действующим законодательством, лишен возможности распоряжаться о применении принудительных мер по обеспечению иска и, следовательно, выносить соответствующее определение. Кроме того, подобное определение и позиция третейского суда по данному вопросу никакого процессуального значения для компетентного арбитражного суда в рассматриваемой форме взаимодействия иметь не будут, так как он должен самостоятельно рассмотреть заявление и решить вопрос о применении принудительных мер по обеспечению иска, рассматриваемого третейским судом, либо об отказе в этом.

Требование ч. 5 ст. 92 АПК РФ о приложении к заявлению заверенной надлежащим образом копии соглашения о третейском суде представляется не совсем определенным и конкретизированным. По мнению автора если дело рассматривается в постоянно действующем третейском суде, то копию соглашения о третейском суде вправе заверить председатель третейского суда (но никак не его заместитель или председатель состава третейского суда, непосредственно рассматривающего дело), а если дело рассматривается в третейском суде ad hoc – то только нотариус.

В нормах ГПК РФ данная форма взаимодействия третейских и государственных судов вообще не регламентируется, хотя ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» (ч. 5 ст. 25) содержит императивное указание о том, что рассмотрение компетентным судом общей юрисдикции указанных заявлений осуществляется в порядке, установленном ГПК РФ. Кроме того, п. 12 ч. 1 ст. 333.19 Налогового кодекса РФ устанавливается размер государственной пошлины, подлежащий уплате при обращении с подобным заявлением в суд общей юрисдикции.

В заключение параграфа автором приводятся систематизированные требования к заявлению о принудительном обеспечении иска, находящегося на рассмотрении в третейском суде, и прилагаемых к нему документов.

Во втором параграфе исследуется такая судопроизводственная форма взаимодействия арбитражного и третейского суда, как оспаривание решения последнего.

Автор полемизирует по вопросу о том, что ранее действовавшее Временное положение о третейском суде для разрешения экономических споров предусматривало возможность оспаривания решения третейского суда (А.В. Максименко) и отмечает, что до действующих в настоящее время АПК РФ, ГПК РФ и ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» возможность оспаривания решений «внутренних» третейских судов в нашей стране отсутствовала.

Подвергается критике практика отдельных постоянно действующих третейских судов (Санкт-Петербургский экономический Арбитраж), предусматривающих в своих Правилах возможность обжалования решений данного третейского суда в вышестоящую инстанцию (Председателю третейского суда). В третейских судах Российской Федерации какая-либо инстанционность отсутствует, их решения являются, по общему правилу, окончательными и не подлежащими обжалованию. Подобные «новации», по мнению автора, противоречат действующему законодательству и практике третейского судопроизводства.

Взаимодействие арбитражных судов (равно, как и судов общей юрисдикции) с третейскими судами в форме оспаривания решений последних представляет собой исключение из общего правила и может наличествовать только в прямо предусмотренных законом случаях и при условии, что стороны третейского судопроизводства, в соответствии со ст. 40 ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации», по обоюдной договоренности не отказались от ее последующего использования. Автор соглашается с позицией К.И. Худенко, согласно которой право сторон третейского судопроизводства исключить возможность оспаривания будущего решения третейского суда представляет собой реализацию присущего арбитражному и гражданскому процессам принципа диспозитивности.

Автор приходит к выводу, что критерий определения начала исчисления срока на оспаривание решения третейского суда является не конкретизированным (с даты получения решения), в результате чего дата получения стороной решения третейского суда при определенных обстоятельствах (при направлении его заказным письмом с уведомлением по почте) может быть проверена компетентным судом исключительно путем запроса материалов дела в третейском суде, что, в свою очередь, может при определенных обстоятельствах оказаться невыполнимым. В ряде норм АПК РФ (ст.ст. 258, 276, 292) содержится наиболее правильное унифицированное положение об исчислении срока на обжалование со дня принятия решения или

вынесения определения, которое следовало бы распространить и на ч. 3 ст. 230 АПК РФ. Аналогичный единообразный подход к определению момента начала исчисления срока на обжалование содержится и в большинстве норм ГПК РФ.

Подвергается сомнению и трехмесячный срок, в течение которого допустимо оспаривание решения третейского суда, так как в результате фактически оспаривание решения третейского суда по сроку приравнено к сроку подачи надзорной жалобы, хотя и производится в кассационную инстанцию.

Анализируя законодательные требования о приложениях к заявлению об оспаривании решения третейского суда автор приходит к выводу об обязательном приложении к нему и Правил постоянно действующего третейского суда, принявшего оспариваемое решение. Не соглашаясь с точкой зрения, согласно которой более целесообразным является представление правил третейского разбирательства в ходе рассмотрения дела, если судом будет сделан соответствующий запрос на основании ходатайства сторон третейского разбирательства (В.В. Ярков), автор отмечает, что при решении вопроса об отмене решения третейского суда или об отказе в этом судья компетентного арбитражного суда без указанных правил практически не сможет принять легитимное решение. Аналогичную позицию занимает и Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ в постановлении по делу № 4778/96 от 8.04.1997 г.¹

При взаимодействии в данной форме судья арбитражного суда вправе установить только наличие или отсутствие оснований для отмены решения третейского суда, исчерпывающий перечень которых содержится в ст. 233 АПК РФ. Данное обстоятельство является крайне значимым, так как:

во-первых, не позволяет судье выходить за указанные в законе рамки, вмешиваться в деятельность третейского суда;

---

¹ См.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ по делу № 4778/96 от 8.04.1997 г. // <http://www.garant.ru/index.htm> (18.06.2006 г.)

во-вторых, производить самостоятельную переоценку доказательств, использовавшихся в рамках третейского судопроизводства;

в-третьих, пересматривать по существу решение третейского суда или само дело.

Невозможно согласиться с точкой зрения, согласно которой судья государственного суда при рассмотрении дел данной категории осуществляет судебный контроль за решениями третейских судов, проверяет их по существу с точки зрения законности и обоснованности (А.В. Максименко).

Автор полемизирует с П.А. Лебедевым, считающим, что государственный суд в рамках данной формы взаимодействия обязан рассмотреть все возможные основания для отмены решения третейского суда, и отмечает, что государственный суд рассматривает исключительно предусмотренные законом основания для отмены решения третейского суда.

Рассматривая основания для отмены решения третейского суда с позиции правоприменительной практики, автор отмечает, что наибольшую теоретическую и практическую сложность представляет такое основание, как «нарушение основополагающих принципов российского права». На практике арбитражными судами различных субъектов Российской Федерации под этими принципами понимаются: основополагающие нормы российского законодательства (Арбитражный суд Астраханской области); принципы законности, конфиденциальности, независимости и беспристрастности третейских судей, диспозитивности, состязательности и равноправия сторон (Арбитражный суд Республики Татарстан); нормы материального права (Арбитражный суд Брянской области); основы правопорядка Российской Федерации (Федеральный Арбитражный суд Северо-Кавказского Округа) и др.

Солидаризируясь с выводами А.И. Зайцева и В.В. Яркова, автор считает, что при решении вопроса о том, нарушает или нет решение третейского суда основополагающие принципы российского права следует основываться на сопоставлении и соответствии его содержания конституционным принципам,

сформулированным в главах 1 и 2 Конституции РФ, а также в обязательных для России международно-правовых документах.

В третьем параграфе автором анализируется такая судопроизводственная форма взаимодействия арбитражных и третейских судов, как выдача исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

Дела о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов, равно как и дела об оспаривании решений третейских судов, не являются исковыми, так как спорное правоотношение уже разрешено иным юрисдикционным органом. Однако, отдельными авторами (Е.В. Кудрявцев, Я.Ф. Фархтдинов) и правоприменителями (Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ) совершенно безосновательно данные дела относятся к исковым, лица, участвующие в деле, именуется истцами и ответчиками, а заявление о выдаче исполнительного листа – исковым заявлением. По мнению автора лиц, участвующих в делах данной категории, следует именовать «заявитель» и «должник», как предлагает А.И. Зайцев, либо «заявители» и «заинтересованные лица», как пишет Е.А. Трещева.

В рамках данного параграфа автором анализируется такая подформа взаимодействия арбитражных и третейских судов, как истребование арбитражным судом материалов дела, рассмотренного третейским судом.

Отмечается, что данная подформа может быть реализована арбитражным судом исключительно в процессе его взаимодействия с третейским судом в форме оспаривания решения третейского суда либо в форме выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение последнего.

При реализации данной подформы взаимодействия надлежит учитывать следующие существенные аспекты: только судья компетентного арбитражного суда, рассматривающий дело об отмене решения третейского суда или о выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение, вправе истребовать из третейского суда материалы самого дела; истребование материалов дела из третейского суда возможно лишь на стадии подготовки арбитражным судом

дела к судебному разбирательству и недопустимо непосредственно при судебном разбирательстве; судья арбитражного суда не может по собственному волеизъявлению истребовать из третейского суда материалы дела, так как инициатива подобного действия является исключительной прерогативой сторон третейского судопроизводства; право на истребование материалов дела из третейского суда у судьи арбитражного суда возникает в единственном случае – при наличии обоюдного ходатайства сторон третейского судопроизводства об этом.

Не соглашаясь с высказываниями отдельных теоретиков (В.В. Блажеев, Е.В. Кудрявцев) а также существующей правоприменительной практикой (Арбитражный суд Тверской области; Арбитражный суд Республики Татарстан) автор считает, что ходатайство об истребовании из третейского суда материалов рассмотренного дела должно быть заявлено обязательно обеими сторонами третейского судопроизводства в письменной форме, либо зафиксировано в протоколе. Указанное положение должно способствовать неукоснительному соблюдению одного из основополагающих принципов третейского разбирательства – принципа конфиденциальности, исключения из которого могут быть сделаны только по взаимной договоренности сторон.

Кроме того, указанная подформа взаимодействия может быть реализована исключительно при истребовании материалов рассмотренного дела из постоянно действующего третейского суда, так как третейский суд *ad hoc* после принятия решения в месячный срок направляет его вместе с материалами дела в компетентный суд, а нормами процессуального законодательства не предусматривается возможность истребования материалов дела третейского суда *ad hoc* из архива компетентного суда по месту его хранения.

Не соглашаясь с существующей точкой зрения о том, что при рассмотрении данной категории дел арбитражный суд приобщает к делу третейского суда новые документы (А.В. Максименко), автор указывает, что данное утверждение не соответствует действительности, так как, во-первых, рассмотренное третейским судом дело хранится в его архиве (за редким

исключением рассмотрения дел третейским судом ad hoc), во-вторых, арбитражный суд, приняв заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, возбуждает свое дело, а не продолжает рассмотрение дела, возбужденного третейским судом и, в-третьих, ни один юрисдикционный орган не наделен правом продолжать рассмотрение дела, возбужденного и рассмотренного другим юрисдикционным органом.

Полемизируя с А.В. Максименко и Т.Н. Нешатаевой, считающими, что задачей рассмотрения арбитражного суда в производстве по делам о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решения третейского суда является проверка третейского решения, третейского соглашения, а также отдельных аспектов третейского разбирательства на соответствие критериям, установленным ст. 239 АПК РФ, а также, что в этих целях арбитражный суд вправе исследовать любые необходимые доказательства, в том числе и обстоятельства, установленные третейским судом, то есть фактически переоценить собранные и исследованные третейским судом доказательства и пересмотреть принятое им решение, автор приходит к диаметрально противоположному выводу. Как и при взаимодействии арбитражного и третейского суда в форме оспаривания решения последнего, так и в этой форме взаимодействия компетентный арбитражный суд вправе проверить решение третейского суда только наличие / отсутствие оснований, императивно закрепленных в законе. Каких-либо иных полномочий у компетентного арбитражного суда не имеется.

Данная форма взаимодействия арбитражных и третейских судов во многом схожа с их взаимодействием в форме оспаривания решения третейского суда.

Существенным ее отличием, вызывающим определенные сложности в правоприменительной деятельности, является предусмотренная в ч. 5 ст. 238 АПК РФ ситуация, когда параллельно на рассмотрении в компетентном арбитражном суде (судах) находятся и заявление об отмене решения

третейского суда и заявление о выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение. В данной ситуации в соответствии с ч. 5 ст. 238 АПК РФ арбитражный суд, в котором рассматривается заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение этого решения, может, если признает целесообразным, отложить рассмотрение заявления о выдаче исполнительного листа.

Не соглашаясь с законодательной формулировкой ч. 5 ст. 238 АПК РФ, автор считает, что в этой ситуации судья арбитражного суда окажется лишенным возможности указать в определении об отложении рассмотрения дела конкретную дату нового судебного заседания, так как она будет обуславливаться целым комплексом субъективных причин, на которые он воздействовать не в состоянии. При применении данного основания следует вести речь, с внесением соответственных корректив в действующее законодательство, не о возможном отложении, а об обязательном приостановлении производства по делу. Кроме того, более логично и целесообразно было бы при этом применять предпосылку, закрепленную в п. 1 ч. 1 ст. 143 АПК РФ – «невозможности рассмотрения данного дела до разрешения другого дела» и, как следствие, положение п. 1 ст. 145 АПК РФ применительно к сроку приостановления – «до вступления в законную силу судебного акта соответствующего суда».

Кроме того, в соответствии с указанной нормой судья компетентного арбитражного суда вправе и продолжить рассмотрение заявления о выдаче исполнительного листа и даже выдать его в то время, как в другом арбитражном суде (или даже в этом же, но другим судьей) будет рассматриваться заявление об отмене решения третейского суда, на которое испрашивается исполнительный лист. В результате легко прогнозируема коллизия ситуация, при которой одним судьей арбитражного суда будет выдан исполнительный лист на принудительное исполнение решения третейского суда, которое другим судьей такого же или того же суда будет отменено.

Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ, проанализировав данную ситуацию в Информационном письме указал, что «Арбитражный суд вправе вынести определение об объединении дел по заявлениям об отмене решения третейского суда и о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда в случае, если заявление об отмене решения и заявление о выдаче исполнительного листа поданы в один арбитражный суд».¹ Не соглашаясь с данной рекомендацией, автор считает, что указанный подход будет грубо противоречить общей концепции действующего АПК РФ, так как норма о возможности соединении дел в одно производство содержится в главе 13 АПК РФ и распространяются исключительно на исковые категории дел. Дела же об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на их принудительное исполнение не могут быть отнесены к исковым категориям, а, следовательно, и объединены в одно производство.

Полемизируя с точкой зрения, согласно которой основания для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда такие же, как и основания для отмены решения третейского суда (Т.К. Андреева, Г.А. Жилин, А.Н. Кузбагаров, П.А. Лебедев), автор указывает, что в п. 1 ч. 2 ст. 239 АПК РФ содержится дополнительное, по сравнению с основаниями для отмены решения третейского суда, основание для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда – решение третейского суда еще не стало обязательным для сторон третейского судопроизводства или было отменено либо его исполнение было приостановлено арбитражным судом.

Сама формулировка «решение еще не стало обязательным для сторон» представляется трудно объяснимой, так как:

---

¹ См.: п. 13 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 декабря 2005 г. № 96 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов» // Третейский суд. 2006. № 1. С. 39-40.

во-первых, в соответствии с содержанием ст. 31 ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» решение третейского суда является обязательным для сторон третейского судопроизводства;

во-вторых, по общему правилу решение третейского суда становится обязательным для сторон третейского судопроизводства и подлежит немедленному исполнению непосредственно с даты его принятия;

в-третьих, только в исключительных случаях в соответствии с абз. 2 ч. 7 ст. 33 ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» при необходимости срок исполнения решения третейского суда не совпадает с датой его принятия;

в-четвертых, отсутствует единая система третейских судов и, как следствие, инстанционность рассмотрения в них дел, что делает решение третейского суда окончательным;

в-пятых, невозможность принесения на принятые третейскими судами решения каких-либо жалоб делает вступление их в законную силу незамедлительным по принятии.

Вследствие указанного решение третейского суда в соответствии с действующим законодательством становится обязательным для сторон третейского судопроизводства незамедлительно по его принятии и, следовательно, отсутствует как таковая не только вероятность его «необязательности», но и подобное основание для отказа в выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение.

В заключении на основании системного анализа действующего законодательства, теоретических положений и изучения правоприменительной практики судебных органов и отечественных третейских судов автором делаются законодательные предложения, направленные на совершенствование Федерального Закона «О третейских судах в Российской Федерации», Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации по вопросам взаимодействия государственных и третейских судов.

Список опубликованных по теме диссертации работ:

1. Гимазов Р.Н. Взаимодействие государственных и третейских судов в России (исторический аспект): Учебное пособие. Саратов: ООО ЦДУ «РИЗОП», 2005 (2,4 п.л.).
2. Гимазова Р.Н. Современные формы взаимодействия третейских и арбитражных судов //Вестник Волжского им. В.Н.Татищева. Серия Юриспруденция. Выпуск 59.Тольяти:ВУиТ,2006. С.173-178 (0,37 п.л.).
3. Гимазов Р.Н. Судебные формы взаимодействия третейских и арбитражных судов / Народовластие и право в условиях формирования гражданского общества: Материалы международной научной конференции. Курск, Региональный открытый социальный институт, 30-31 марта 2006 г. / Составители А.И. Хорошильцев, А.В. Самойлов. Курск: Издательство РОСИ, 2006. С. 136-138 (0,2 п.л.).
4. Гимазов Р.Н. К вопросу о классификации форм взаимодействия третейских и арбитражных судов // Гражданское общество и правовое государство в России: становление и развитие: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Казань, 19 мая 2006 г.): Сборник научных статей: в 2-х ч. Ч. 2 / Отв. ред. доц. З.А. Ахметьянова. Казань: Издательство «Таглитат» Института экономики, управления и права (г. Казань), 2006. С. 206-209 (0,2 п.л.).
5. Гимазов Р.Н. Истребование арбитражным судом материалов дела из третейского суда как подформа одной из форм взаимодействия третейских и арбитражных судов // Новые ценности современной России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов и аспирантов. В двух томах. Том II. Казань: Издательство «Таглитат» Института экономики, управления и права, 2006. С. 26-27 (0,12 п.л.).
6. Гимазов Р.Н. Подача заявления об обеспечении иска, рассматриваемого третейским судом, в арбитражный суд как одна из форм их взаимодействия: Материалы Международной научно-практической конференции «Частно-правовые проблемы взаимодействия материального

и процессуального права» (15-16 сентября 2006 г.). Ульяновск, 2006 (0,25 п.л.)

7. Гимазов Р.Н. Нарушение основополагающих принципов российского права как предпосылка отмены решения третейского при его взаимодействии с арбитражным судом // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 7. С. 19-22 (0,4 п.л.).
8. Гимазов Р.Н. К вопросу о дефиниции понятия «взаимодействие арбитражного и третейского судов» // «Актуальные проблемы гражданского права и процесса: Сборник материалов Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Д.Х.Валеев, М.Ю.Челышев. Казань: Издательство Казанского университета, 2006. Часть 2. С. 490-493 (0,2 п.л.).

Итого общий объем публикаций по теме диссертационного исследования составляет 4,14 п.л.